

ПИСЬМА К Л. Н. ТОЛСТОМУ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОГО К ТОЛСТОМУ

Сообщение К. Шохор-Троцкого

Весной 1889 г. молодой Горький, оставив должность весовщика на ст. Крутая, Грязе-Царицынской ж. д., отправился в путь, частью пешком, частью на тормозных площадках багажных вагонов, по маршруту Царицын — Борисоглебск — Тамбов — Рязань — Тула — Москва — Нижний-Новгород. По дороге он сделал две попытки повидать Толстого: посетил Ясную Поляну и дом Толстого в Москве.

В Ясной Поляне Горький не застал Толстого, который жил в то время в Москве. В хамовническом доме к Горькому вышла Софья Андреевна. Она сказала ему, что Толстой нездоров и никого не принимает. Затем она отвела Горького на кухню, где угостила его стаканом кофе с булкой, заметив при этом, что к Льву Николаевичу шляется очень много бездельников и что Россия вообще изобилует бездельниками¹.

Оставив должность весовщика на станции Крутая, Горький мечтал о том, чтобы поселиться в земледельческой колонии. В воспоминаниях о писателе Н. Е. Каронине-Петропавловском Горький подробно рассказал о своем настроении в этот период:

«Уходя из Царицына, я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве: род человеческий — за исключением двух телеграфистов и одной барышни — был мне глубоко прогивен, я сочинял ядовито-сатирические стихи, проклиная все сущее, и мечтал об устройстве земледельческой колонии. За время моего путешествия мрачное настроение несколько рассеялось, а мечта о жизни в колонии с двумя добрыми товарищами и милой барышней несколько поблекла»².

В Нижний-Новгород Горький приехал после неудачной попытки повидать Толстого. Здесь Горький передал Н. Е. Каронину-Петропавловскому письмо от жившего в Царицыне журналиста В. Я. Старостина-Маненкова. В письме содержалась просьба «отговорить» Горького от попытки устроить колонию. Н. Е. Каронин-Петропавловский несколькими скептическими замечаниями относительно задуманной колонии помог Горькому окончательно отказаться от его намерения.

Письмо Горького, написанное после неудачной попытки повидать Толстого, сохранилось в архиве Толстого (рукописное отделение Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина). На подлиннике имеется помета рукой С. А. Толстой: «Горький».

Лев Николаевич.

Я был у вас в Ясной Поляне и Москве; мне сказали, что вы хвораете и не можете принять³.

Порешил написать вам письмо. Дело вот в чем: несколько человек служащих на Г[рязе]-Ц[арицынской] ж[елезной] д[ороге] — в том числе и пишущий к вам, увлеченные идеей самостоятельного, личного труда и жизнью в деревне, порешили заняться хлебопашеством⁴. Но, хотя все мы и получаем жалованье — рублей по 30-ти в месяц средним числом, личные наши сбережения ничтожны, и нужно очень долго ждать, когда они возрастут до суммы, необходимой на обзаведение хозяйством.

И вот мы решили прибегнуть к вашей помощи: у вас много земли, которая, говорят, не обрабатывается. Мы просим вас дать нам кусок этой земли.

Затем: кроме помощи чисто материальной, мы надеемся на помощь нравственную, на ваши советы и указания, которые бы облегчили нам успешное достижение цели, а также и на то, что вы не откажете нам дать книги: «Исповедь», «Моя вера» и прочие, не допущенные в продаже.

Мы надеемся, что какой бы ни показалась вам наша попытка — достойной ли вашего внимания и поддержки — или же пустой и сумасбродной, вы не откажетесь ответить нам. Это немного отнимет у вас времени. Если вам угодно ближе познакомиться с нами и с тем, что нами сделано к осуществлению нашей попытки, двое или один из нас могут притти к вам. Надеемся на вашу помощь⁵.

От лица всех — нижегородский мещанин
Алексей Максимович Пешков

Апреля 25-го.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Груздев И., молодой Горький, — «Молодая Гвардия», 1927, № 3, стр. 210.

² Горький М., О писателях, изд. «Федерация», М., [1923], стр. 183.

³ Толстой в апреле 1889 г. не был болен, как это видно из его записей в дневнике. Ссылка на болезнь Толстого, повидимому, явилась лишь предлогом, под которым С. А. Толстая не допустила к Толстому неизвестного посетителя.

⁴ В письме к сталинградским краеведам Горький, рассказывая о своей жизни на ст. Крутая, писал:

«К весне на Крутой образовался «кружок самообразования»; в него вошли пятеро: младший телеграфист Юрин, горбатый, злоумный парень; телеграфист с Кривой Музги — Ярославцев; «монтер весов», а проще сказать — слесарь, Верин... и царицынский наборщик, он же переплетчик, Лахметка, переплетавший книги Ковшова, человек необыкновенной душевной чистоты... По характеру моей работы я не мог ни на час отлучаться от станции, и связь с Царицыном была возложена на Лахметку. Я познакомил его с «однадцаторными» города, — в то время там жили М. Я. Началов, бывший ялуторовский ссыльный; Соловьева, невеста сидевшего в тюрьме казанского марксиста Федосеева; студент Подбельский, убитый в Якутске во время известного «вооруженного сопротивления властям»; саратовцы — братья Степановы, только-что приехавшие из Березова, из ссылки; поручик Матвеев и еще несколько человек. Эти люди снабжали нас книгами. Каждую субботу Лахметка приезжал на Крутую. Верин и Ярославцев тоже являлись более или менее аккуратно, и по ночам, в телеграфной, мы читали брошюры А. Н. Баха «Царь-голод», «Календарь Народной воли», литографированные брошюры Л. Толстого, рассуждали по Михайловскому о «прогессе», о том, какова «роль личности в истории...».

На воспроизводимой ниже фотографии изображены «коллеги» Горького по работе на ст. Крутая. Красочные характеристики некоторых из этих людей находим в том же письме Горького к сталинградским краеведам:

«Начальник станции был Захар Ефимович Басаргин. Служебную карьеру свою он начал стрелочником на станции Царицын. Это был недюжинный человек, один из тех талантливых русских «самородков», которыми всегда была богата, а особенно теперь может гордиться наша удивительная страна.

Когда я попал под его крепкую и безжалостную руку, ему было лет полсотни, но, сухонький, крепкий, ловкий, он казался значительно моложе. Лицо у него копченое, темнокожее, в сероватой, растрепанной бородке; под густыми бровями, в глубоких ямах — горячие, острые глаза янтарного цвета. Походка легкая, быстрая, на ходу он как-то подпрыгивал, жесты — резкие, голосок сиповат, но властный...

...Басаргин о наших ночных чтениях знал и, если ему в жаркие ночи не спалось, приходил к нам в ночном белье, босой, истрепанный, напоминая сумасшедшего, который только-что убежал из больницы.

— Ну, катая, кагай, я не мешаю, — говорил он, присаживаясь в конторе пред окошком телеграфа, но не мешал минуты три, пять, а затем, положив волосатый подбородок на полочку перед окошком, спрашивал нас, насмешливо поблескивая глазами:

— Будто понимаете что-нибудь? Врете. Я внятно умнее вас, да и то ни слова не понимаю. Чепуху читаете. Вы лучше послушайте настоящее...

— Каждый должен жить, как в церкви, — учил он нас. — Чтобы все вокруг блестело и сам гори, как свеча. Трудов не бойся.

ГРУППА СОСЛУЖИВЦЕВ А. М. ГОРЬКОГО ПО РАБОТЕ НА ОТ. КРУТАЯ
Фотография

Областной музей М. Горького, г. Горький

Сидящие - с правой стороны слева:
 Лицкевич - в штатном - машинист вагонки
 Воеводин - осмотр. вагонов
 Ковалев - пом. нач. станции
 Захар. Сергеев Барсегин - нач. ст.
 Крылатов - сост. поезда.
 Горди - машинист телеграфист.
 Стоящие: за Лицкевичем -
 Тихомирнов - машинист телеграф.
 Козырьков - старший ^{путь} ст. р. р.
 Кривоногов - в штатном ~~машинист~~ ст. р. р.
 Рязанов или Рязанов - пом. ст. р. р.
 Дворж - не помню.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ К ФОТОГРАФИИ, СОСТАВЛЕННАЯ А. М. ГОРЬКИМ
Областной музей М. Горького, г. Горький.

Слушать его живую, напористую речь было не менее интересно, чем разбираться в трудной словесности Спенсера и Михайловского. Я слушал жадно. Человек нравился мне, а дела его — не очень.

Вероятно, Захар Басаргин был одним из первых людей, наблюдая которых я укреплялся в убеждении, что сам по себе человек хорош, даже очень хорош, а вот делишки его, жизнь его... так себе. Делишки-то могли бы лучше быть...

...Помощник начальника станции Ковшов страдал запоем, запоем же читал уголовные романы; он очень берег книги, никому не давал, но в свое дежурство увлеченно рассказывал телеграфистам, мне и всем, кто хотел слушать, приключения парижских воров и сыщиков. Он был человек болезненно самолюбивый, злой и любил похвастаться неудачами и несчастиями своей жизни. Среднего роста, но коротконогий и толстый, он казался маленьким, а лицо у него было серое, как студень, с круглыми и неглупыми глазами, с едкой усмешечкой на толстых губах.

Тихомиров, мрачный брюнет, бритый до-синя, был глуп, седьмой год учился играть на скрипке, но играл все еще только гаммы; он терпеть не мог людей, которые читают книги, и убеждал Ковшова:

— От книг ты и пьешь...

...Черногоров был одним из тех русских одиноких людей, которые живут как бы поневоле, углубясь в какую-то неисчерпаемую думу. Ко всем окружающим он относился внимательно и ласково, как большой к маленьким, но никогда никого не учил. Нередко, ночами, я видел, что он на ходу точно спотыкался обо что-то и, остановясь, с минуту смотрел под ноги себе». (Горький М., Письмо к сталинградским краоведам, — газ. «Борьба», 1927, №№ 75, 76, 77, и 78.)

Как видим, в числе книг, которые получали члены кружка из Царицына от проживавших там «поднадзорных», были и «литографированные брошюры» Толстого. Из упомянутых Горьким членов кружка выражали желание устроить колонию телеграфисты Д. Юрин и Н. Ярославцев. Кроме того, Горький надеялся, что к ним присоединится дочь начальника станции Басаргина.

⁵ Письмо Горького, повидимому, было оставлено Толстым без ответа.